

Усадьба Десяти Тысяч Слив

Данчи лежал на кровати, его глаза бегали по сторонам.

Он с довольным прищуром разглядывал обстановку в комнате.

На сердце было невероятно легко и радостно: в мыслях своего партнера по даосскому пути он и вправду занимал особенное место.

Данчи снова уткнулся лицом в одеяло и тихонько хихикнул.

Стоило ему вспомнить, как партнер без устали нес его всё это время, а потом лично исцелял и выводил яд,

как он блаженно заерзал на постели.

Его партнер определенно дорожил им, и день их совместного заключения брачного союза был уже не за горами.

Он уже переступил порог этого дома, и между ними даже произошло телесное сближение.

Несомненно, пройдет совсем немного времени, и он сможет поселиться здесь окончательно.

Данчи был полон уверенности и мысленно уже считал это место своим новым домом.

В отличие от своего хозяина, усадьба вовсе не казалась холодной, напротив — всё здесь было обустроено с изысканным вкусом.

Полог кровати украшала тончайшая вышивка, а одеяло было сшито из яркого шелкового броката.

Где-то в глубине усадьбы едва слышно звучала успокаивающая мелодия флейты, и хотя в комнате не жгли благовония, в воздухе витал тонкий аромат цветов.

Находиться здесь было невероятно приятно.

Партнер определенно умел наслаждаться жизнью, и это успокаивало Данчи.

Полежав еще немного, Данчи перевел взгляд на дверь, и настроение его вдруг резко испортилось.

После того как тот очистил его от яда, он словно сквозь землю провалился — как же сильно он скучал! Прошло уже столько дней.

Данчи закрыл глаза и мысленно пообещал себе: если партнер не явится навестить его в ближайшее время, он пойдет искать его сам.

Едва эта мысль промелькнула в его голове, как за дверью посёл легкий шорох. Данчи мгновенно распахнул глаза, но тут же помрачнел от разочарования.

Он слегка поджал губы, чувствуя досаду.

Вскоре в дверь постучали, и после тихого стука в комнату кто-то вошел.

Это был старик с лицом, изрезанным морщинами, но державшийся на редкость бодро.

На его лице не угадывала улыбка, из-за чего он казался на вид чрезвычайно доброжелательным дедушкой.

Данчи поджал губы, сердито надувшись.

Мнимая видимость! Всё это сплошной обман!

Это лицо врезалось ему в память надолго!

Управляющий Усадьбы Десяти Тысяч Слив, Управляющий Фу.

Когда он раньше приходил сюда к своему партнеру, этот улыбчивый старик неизменно возглавлял тех, кто преграждал ему путь.

Он всегда рвался впереди всех, и вид у него тогда был ужасно свирепый, совсем не такой, как сейчас.

Данчи не желал на него смотреть, с досады отвернулся к стене и мысленно решил, что этот старик раздражает его даже больше, чем старшие старейшины-управляющие его собственной секты.

— Кхе-кхе.

Старик ни капельки не смутился. С самым добродушным видом он протянул поднос, который держал в руках.

На подносе стояла черная-пречерная пиала, от которой исходил густой, горький до тошноты запах лекарства.

— Молодой господин Дан, пора принимать отвар, — с улыбкой произнес Управляющий Фу, протягивая ему снадобье.

Данчи снова повернулся, с полминуты злобно сверлил его взглядом и лишь после этого взял пиалу.

— А где Чуйсюэ? — потребовал ответа он, глядя на старика так, будто перед ним стоял кровный враг.

Прежде этот старик вечно мешал ему видеться с партнером, и теперь, когда Чуйсюэ не приходил к нему, в этом наверняка тоже замешан этот вредный старик.

Управляющий Фу всё так же добродушно улыбнулся:

— Глава усадьбы находится в Комнате Меча.

Данчи недоверчиво окинул его взглядом, решив, что это просто отговорка, и сам попытался заглянуть за дверь.

Управляющий Фу, не теряя улыбки, заслонил ему обзор:

— Глава усадьбы не выходит оттуда с самого возвращения и лишь приказал мне ежедневно приносить вам лекарство.

— Молодой господин Дан, отдыхайте здесь спокойно! Если глава усадьбы захочет вас увидеть, он непременно придет сам.

А если не захочет — сколько ни высматривай, толку не будет.

Данчи сверлил его глазами, мысленно пообещав себе, что после того, как они с партнером заключат брачный союз, он непременно сошлет этого управляющего в пилюльный зал работать простым мальчиком на побегушках.

Тогда-то у него поубавится времени мешать ему видеться с любимым!

Отвлеченно думая о своем, он единым махом осушил пиалу до дна, и взгляд его стал еще более решительным.

Похоже, просто сидеть здесь и ждать было бесполезно.

Чуйсюэ наверняка просто постеснялся прийти, так что ему придется проявить инициативу самому!

Ночь.

Чья-то фигура бесшумно скользнула в пределы Усадьбы Десяти Тысяч Слив. На спине у ночного гостя что-то висело, но он мастерски избегал встреч со слугами и вскоре добрался до окна какого-то заднего строения. Окно тут же распахнулось, и незваный гость мгновенно прыгнул внутрь.

Оказавшись в светлой комнате, он наконец сбросил маскировку.

У него были четыре комично изогнутые брови — это был Лу Сяофэн по прозвищу Четыре Брови.

Очувтившись в помещении, Лу Сяофэн с преувеличенным облегчением выдохнул:

— К счастью, меня никто не заметил.

С этими словами он опустил на пол большой бамбуковый корог, висевший у него за спиной.

Корог оказался огромным — в человеческий рост, к тому же тяжелым. То, что находилось внутри, было сплошь замотано черной тканью, причем в несколько плотных слоев.

Лу Сяофэн бросил на него взгляд и сказал находившемуся в комнате человеку:

— Чтобы выменять всё это, мне пришлось приложить немало усилий.

Этим человеком, разумеется, был Данчи.

Он подошел и сорвал черную ткань. В тот же ослепительный, режущий глаза блеск сокровищ хлынул наружу.

Внутри короба до самого верха были набиты жемчужины — целый короб отборного жемчуга.

Без преград сияние мгновенно залило всю комнату.

Данчи довольно кивнул, набросил ткань обратно и только после этого бросил Лу Сяофэну:

— Всё, можешь идти.

Лу Сяофэн, который как раз собирался налить себе стакан воды, чтобы перевести дух: «.....»

Он вытаращил глаза на Данчи, на какое-то мгновение потеряв дар речи.

Заметив его реакцию, Данчи нахмурился:

— Что-то еще?

Лу Сяофэн залпом осушил чашку чая, которую держал в руке, и только после этого возмущенно выпалил:

— Я тут так пахал, а ты даже спасибо не сказал! Мало того, элементарно чаю пожалел налить!

Данчи услышал это и недовольно поморщился:

— Разве я тебе не заплатил щедрую плату?!

Или он ошибался в ценности здешних вещей? Неужели за обычный обмен сокровищ на жемчуг в этих краях просят такую бешеную плату за услуги посыльного?

Если бы он сам не хотел отлучаться от партнера, он бы давно спустился на морское дно и добыл сколько угодно сам — за один такой обход собрал бы куда больше.

Лицо Лу Сяофэна при этих словах исказилось в крайне странной гримасе.

Он смотрел на Данчи немигающим взглядом, снедаемый жестокими сомнениями.

И правда: среди всех тех, кто просил его о поручениях, большинство норовило заставить его работать даром, а те немногие, кто всё же платил, давали в сумме меньше, чем этот человек отсыпал за раз.

Даже сокровища из тайника Дугу Ихе не шли ни в какое сравнение с такой щедростью.

Хотя ему вовсе не хотелось брать эти вещи, но...

Видя, что тот молчит, Данчи начал терять терпение:

— Чего замолчал?

Лу Сяофэн дернул уголком рта, еще немного посмотрел на него и вдруг выдал:

— Знаешь, я считаю, что самым большим глупцом в своей жизни Янь Тешань был тогда, когда позволил тебе себя спасти.

Данчи не понимал, к чему он клонит, поэтому коротко бросил:

— Ты же не он, откуда тебе знать, о чем он думал.

Вспомнив что-то неприятное, он раздраженно нахмурился:

— Самая большая его ошибка — это то, что он посмел нарушить слово!

Лу Сяофэн на мгновение подавился воздухом.

И то верно: такой трус, как Янь Тешань, даже окажись он в подобной ситуации снова, ни за что бы не упустил шанс выжить и точно так же поспешил бы пообещать что угодно.

Просто на этот раз он нарвался на жесткого противника.

Вспомнив об этом, он вздохнул:

— Жаль только, что жизнь он в итоге все равно потерял, а богатства сберечь так и не смог.

С этими словами он многозначительно покосился на гору сокровищ.

Данчи наконец понял, к чему тот клонит, и в его глазах мелькнуло раздражение.

Он недовольно спросил:

— По-твоему, я не должен был забирать эти вещи?

Лу Сяофэн покачал головой:

— Он уже заплатил цену за свое вероломство, зачем же добивать его до конца?

Данчи странно посмотрел на него:

— Это вообще-то то, что принадлежит мне по праву. Мои собственные вещи — почему я не должен их забирать?

Лу Сяофэн нахмурился, чувствуя, что здесь что-то не так:

— Но ведь он нарушил сделку, и ты уже забрал его жизнь! А теперь намерен подчистую выгрести все его семейные сбережения...

Как ни посмотри, а поведение было наглым и властным.

Данчи перебил его, заявив с абсолютной уверенностью:

— Раз посмел нарушить слово — значит, заслужил смерть.

— К тому же, ты, кажется, забываешь, за счет чего он прожил лишние два дня?

Лу Сяофэн явно не ожидал, что тот припомнит именно это, и на миг опешил.

Данчи усмехнулся, глядя на его растерянность:

— Или ты всерьез думал, что мои пилюли раздают бесплатно?

Лу Сяофэн разом лишился дар речи: если бы столь чудесные лекарства давали даром, всем лекарям в Поднебесной можно было бы сразу лечь в гробы.

Убедившись, что возразить нечего, Данчи с довольным видом заключил:

— Вот именно. Так что с того самого момента, как он поднялся на ноги, всё, что он пообещал, автоматически стало моим. Я и так проявил великодушие, дав ему целых два дня отсрочки. В мире культиваторов он всегда сначала получал плату и только потом брался за дело, а на тех, кто предлагал жалкие крохи, даже не смотрел.

Разве стал бы он так ронять свое достоинство здесь?!

При этой мысли он снова помрачнел:

— Я проявил к нему столько снисхождения, а он попытался присвоить мое добро — разумеется, оставлять это безнаказанно было нельзя.

Да к тому же еще и посмел оскорбить его пилюли, совершенно не зная стыда.

При воспоминании об этом лицо Данчи вновь омрачилось.

Лу Сяофэн понятия не имел о том, что такое престиж мага в чужом понимании, он просто слушал логику расчетов Данчи, и у него отвисала челюсть.

Теперь-то он полностью раскусил эту железную логику.

Цена пилюль равнялась всем сокровищам, что пообещал Янь Тешань; за нарушение договора полагалось расплатиться жизнью — и то, и другое являлось отдельным долгом, который надлежало выплатить полностью.

Для Данчи не существовало концепции прощения долгов после смерти человека; здесь действовал принцип «человек умер, а долг остался».

Лу Сяофэн не знал, что и сказать на это, и в конце концов смог лишь выжать из себя вздох:

— Похоже, оставаться твоим должником — себе дороже.

Данчи снова странно посмотрел на него и произнес так, будто это само собой разумелось:

— С какой стати я вообще должен давать кому-то шанс остаться в долгу!

В момент заключения сделки товар целиком переходил в его собственность, так что он никогда не забывал забрать свое. А если должник не желал отдавать добро добровольно, он всегда мог взять его сам!

В Мире Тяньсюань испокон веков царило правило: сначала оплата, потом варка пилюль. При этом, удалась партия или нет, духовные камни и сокровища, уплаченные мастеру пилюль за работу, никто и никогда не требовал назад.

Поскольку его процент успешных варок всегда был выше, чем у остальных, к нему выстраивались очереди, какими бы баснословными ни были его цены. Люди знали: раз уж удалось нанять его, духовные камни не будут потрачены впустую. Они боялись лишь одного — что он откажется брать их плату и не выдаст заветную пилюлю, кто же после этого осмелился бы с ним торговаться!

Если подумать, местные жители были просто невыносимо мелкими по сравнению с теми заклинателями: и плата мизерная, и расстаются с ней с таким скрипом!

Лу Сяофэн, никогда не бывавший в Мире Тяньсюань, разумеется, не мог постичь хода его мыслей, поэтому лишь сокрушенно покачал головой:

— Ну да, ведь те, кто задолжал тебе, обычно долго не живут.

Данчи бросил на него короткий взгляд, больше не желая ничего объяснять.

Заметив, что тот снова наливает себе чай и вовсе не собирается уходить, он незаметно нахмурился:

— У тебя еще что-то есть?

Лу Сяофэн не заметил его недовольства, так как был полностью поглощен собственными мыслями.

Услышав вопрос, он стряхнул задумчивость, поднял глаза на Данчи и прямо спросил:

— Что случилось с Сименем?

Данчи посмотрел на него и промолчал.

— Между вами обоими... — Лу Сяофэн нахмурился, подбирая слова: — Что произошло между вами тогда в Павильоне Жемчужного Блеска и Роскоши?

Эта мысль не давала ему покоя с самого начала.

Даже если бы Данчи не прислал ему весточку, он всё равно собирался заглянуть в Усадьбу Десяти Тысяч Слив.

Данчи спокойно выдержал его взгляд и неожиданно спросил:

— А ты видел этого Дугу Ихе?

Лу Сяофэн кивнул:

— Конечно видел. Честно говоря, я никак не ожидал, что Симень и впрямь сможет его убить.

Данчи отнесся к этому без малейшего удивления:

— Это лишь доказывает, что ты недостаточно хорошо его знаешь.

Слушая столь слепое восхищение Симень Чуйсюэ, Лу Сяофэн только тяжело вздохнул:

— Но какое отношение это имеет к тому, что творится с Сименем?

Данчи тоже присел и, вместо ответа на вопрос, задал свой:

— А ты знаешь, какой меч практикует Чуйсюэ?

Лу Сяофэн ответил без малейшего колебания:

— Разумеется, меч, который приносит смерть.

Вспомнив события того дня, Данчи улыбнулся:

— Перед решающей битвой с Дугу Ихе я сказал ему: если он проиграет, я покончу с собой и отправлюсь с ним на Желтые Источники.

Лу Сяофэн изумленно воззрился на него — он никак не ожидал, что чувства этого парня к Сименю зашли так далеко.

Данчи, впрочем, нисколько не волновало, что тот о нем думает. С нежнейшей улыбкой на лице он продолжил:

— И тогда Чуйсюэ победил.

Поразмыслив с полминуты, Лу Сяофэн посмотрел на него с недоверием:

— То есть ты хочешь сказать, что он не захотел твоей смерти, и это заставило его превзойти собственные пределы?

Лицо его при этом выражало крайнее изумление: он считал, что способность Данчи нести такую чушь с серьезным лицом с каждым днем лишь крепнет! Разве можно было вообразить Симень Чуйсюэ охваченным подобными безумными романтическими порывами?

Данчи снова окинул его взглядом, находя собеседника излишне впечатлительным:

— Разумеется, он превзошел себя, только дело не в преодолении обычных пределов.

Лу Сяофэн неловко потрепал себя за усы, чувствуя, что его здесь почему-то постоянно презирают.

Данчи пояснил:

— На грани жизни и смерти мысли проясняются ярче всего, а чувства достигают наивысшего накала.

— В то мгновение он отчетливо осознал: единственный способ одержать победу — это вступить на Путь.

Лу Сяофэн не понял:

— Вступить на Путь?

На губах Данчи появилась легкая улыбка:

— Путь Бессердечного Меча.

Лу Сяофэн замер. Помолчав добрую половину минуты, он с трудом выдал вопрос:

— Ему удалось?

Данчи улыбался всё так же безмятежно, и в его глазах даже промелькнула гордость. Он кивнул:

— Разумеется.

Разве мог его партнер по даосскому пути оказаться в чем-то слаб!

Игнорируя странную реакцию собеседника, Лу Сяофэн поспешно спросил:

— Так что же сейчас с Сименем...

Данчи ответил:

— Он избавляется от чувств.

Лу Сяофэн: «.....»

Посчитав, что все объяснения даны, Данчи посмотрел на него:

— Ну вот, теперь ты всё понял, можешь идти.

Лу Сяофэн: «.....»

Он остолбенело уставился на Данчи, после чего его терпение лопнуло, и он взревел:

— Ты что, серьезно можешь сидеть здесь и не суетиться?!

Разве этот парень и вправду любит Сименя? Человек, которого он любит, прямо сейчас собирается вычеркнуть его из памяти, а он сидит тут и улыбается!

— Разумеется, я не собираюсь сидеть сложа руки, — ответил Данчи, и в его глазах вспыхнул странный, зловещий огонек.

Он столько сил потратил на поиски своего партнера, чтобы так просто от него отказаться?

К тому же, раз они с партнером уже сошлись сердцами, то и в дальнейшем им положено идти рука об руку.

При мысли о том, что предстояло сделать, его охватило возбуждение. Он бросил взгляд на стоявший у стены бамбуковый короб и понял, что больше не в силах ждать.

С брезгливым выражением лица он глянул на Лу Сяофэна:

— Ты чего всё еще здесь?

Только зря тратит его время, ему ведь еще нужно подготовить сюрприз для Чуйсюэ!

Лу Сяофэн: «.....»

Наконец он распахнул окно и выпрыгнул наружу.

<http://bllate.org/book/22050/2292942>